

Тема моей статьи навеяна знакомством с творческим наследием Андрея Владимировича Брушлинского. А ее написание продиктовано желанием отдать дань уважения человеку и ученому, которого я знал, к мыслям и мнению которого прислушивался – были ли эти мысли высказаны в личной беседе, на конференциях в России или за ее пределами – на международных конгрессах. Так было на последнем, 27-м Всемирном психологическом конгрессе в Стокгольме (23–28 июля 2000 г.), на котором Андрей Владимирович блестяще сделал доклад на английском языке. Я видел, с каким уважением относились к нему наши зарубежные коллеги, избрав его от России в состав Президиума Всемирных психологических ассоциаций. Именно к Андрею Владимировичу обратился – наряду с другими известными психологами Европы – немецкий психолог, редактор журнала “Европейский психолог” профессор Курт Павлик с просьбой дать оценку успехам психологии в XX веке и высказать пожелания психологии и психологам в веке XXI (“European Psychologist”, vol. 5, 2000).

А.В. Брушлинский был, на мой взгляд, истинным субъектом деятельности, личностью свободно мыслящей, флексибельной, чуждой фиксированным формам поведения. Он заботился о развитии психологии и за пределами ИП РАН, поддерживая психологов России. Как главный редактор “Сибирского психологического журнала”, я благодарен Андрею Владимировичу, который был членом его редакционного совета и автором, за поддержку и участие в работе нашего журнала.

ТЕОРИЯ СУБЪЕКТА И ФИКСИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ

© 2003 г. Г. В. Залевский

Член-корр. РАО, доктор психолог. наук, профессор,
зав. кафедрой генетической и клинической психологии ф-та психологии ТГУ, Томск

Рассматриваются возможности понимания фиксированных форм поведения с позиции теории субъекта, развиваемой в школе С.Л. Рубинштейна прежде всего А.В. Брушлинским, и с позиции концепций, выдвигаемых другими психологическими школами и направлениями.

Ключевые слова: субъект, личность, творчество, фиксированные формы поведения (ФФП).

Проблемы субъекта и фиксированных форм поведения (ФФП) с полной очевидностью становятся, на наш взгляд, особенно актуальными и пересекающимися в тех жизненных ситуациях, когда людям необходимо доказывать, что “рабы – не мы, мы – не рабы”. Личность выступает в качестве субъекта или объекта в зависимости от того, кем она себя мыслит: “Можно легко себе представить, что и способ деятельности, и способ поведения, и сам способ жизни будет существенно различаться в зависимости от представления о себе как субъекте или объекте. Тот тип, который мыслит себя как субъекта, стремится к организации целостного контура деятельности, выступает как объекте, осуществляет ее как простой исполнитель”, – пишет К.А. Абульханова [1, с. 49–50], развивая представление о рубинштейновской категорией субъекта. “Субъект в своей деятельности, духовности и т.д. – считал С.Л. Рубинштейн, – это субъект творчества, созидания, инноваций. Любая его деятельность (хотя бы в минимальной степени) является творческой и самостоятельной”

[17]. Удивительно, как эта мысль перекликается с мнением Bergson [25] о том, что фундамент открытой морали – это **творческая личность, свойством которой является дух новаторства, ломающий все фиксированные схемы закрытого общества** (выделено мной. – Г.З.). Отсюда следует, что “групповым субъектом” [4, с. 7] может и должно быть и все общество, но общество с “открытой моралью”, которое делает ставку на личность с ее изначальной неповторимостью.

Из теории субъекта, таким образом, следует, что личность, не мыслящая себя субъектом и не являющаяся по существу таковой, оказывается склонной к проявлению фиксированных, в широком смысле – нетворческих форм поведения. “Под фиксированными формами поведения понимается широкий спектр форм поведения человека или группы людей, которые биопсихосоциальны, в плане культурных норм, принятых в данном обществе для лиц определенного возраста, пола и статуса, стали уже неадекватными, но повторяются и в ситуациях, объективно требующих их изменения; при этом уровень и степень осознания

ния и принятия необходимости этого изменения могут быть разными” [8, 9]. Из данного определения ФФП следует, что они представляют собой “рабское” поведение человека при широком спектре его проявления – от банальных привычек до зависимости от любой идеи, в том числе “научной” и “духовной” (коммунистической, националистической, религиозной), ведущей к фанатизму, который, в свою очередь, приводит к “костру инквизиции”, уничтожению инакомыслящих (вспомним борьбу с генетикой, кибернетикой, да и психологией), этническим и религиозным войнам, примеров чему избыточное количество в истории человечества и в современной действительности (экстремизм, терроризм, фашизм, национализм, шовинизм и т.п.).

Фиксированные формы поведения на уровне как отдельного человека (индивидуальной системы), так и микро-, макрогрупп (групповых систем), их природа, многообразие и место в жизни лучше всего проявляются в ситуациях социальных изменений – революций, перестроек и т.п. Действительно, спектр фиксированных форм поведения очень широк. Поведение личности осуществляется в двух формах – изменяемых, гибких, лабильных, и неизменяемых (или трудноизменяемых), т.е. фиксированных, застывших, косных или ригидных стереотипов (мыслительных, эмоциональных и собственно поведенческих).

И в этом смысле теория субъекта, развивающая представителями школы С.Л. Рубинштейна, в первую очередь А.В. Брушлинским [2–4], вносит, на наш взгляд, существенный вклад в понимание самого психологического феномена ФФП, с одной стороны, а с другой – понимание проблемы ФФП помогает глубже проникнуть в суть и роль понятия субъекта в индивидуальной и групповой деятельности и поведении. В этом контексте можно рассматривать и исследование “психологических стереотипов понимания личности”, проведенное В.В. Знаковым [12, 13].

На основе собственных многолетних (более 30 лет) исследований проблемы ФФП в норме и при нервно-психической патологии, а также систематизации литературных данных (Г.В. Залевский, 1970–2002) представляется возможным констатировать существование на сегодняшний день ряда объяснительных схем (концепций) – от линейных до системных – природы ФФП, их сущности и роли в жизнедеятельности людей: нейродинамической, энергетической, филогенетической, личностно-средовой, диспозиционной, стрессогенной, патогенетической, психодинамической, научения (бихевиоральной и когнитивной), акционально-структурно-уровневой и системной (субъектной).

1. Нейродинамическая концепция ФФП связывает их природу и причины проявления с инертностью нервных процессов, особенно с ее

ростом в связи с утомлением, нервным истощением, мозговыми нарушениями и т.д. Но выявленные много-много-значные связи между особенностями нервных процессов и психологическими/личностными особенностями человека (А.Р. Лурия, В.С. Мерлин, В.М. Русалов) позволяют говорить лишь о большем или меньшем опосредствовании и непрямых корреляциях. Так, например, при персеверациях как одной из ФФП наличие выраженной или патологической инертности нервных процессов, как правило, опосредствуется ослаблением или расстройством функции произвольного внимания и “представления о цели действия” [8].

2. Энергетическая концепция ФФП встречается уже в работах В.М. Бехтерева. Она исходит из общего принципа экономии энергии. Ссылки на принцип экономии имеются и в работах грузинской школы психологии установки Д.Н. Узладзе. Установка, получив соответствующую объективным обстоятельствам организацию и возможность, включает в себя готовые, приобретенные опытом схемы и, соблюдая принцип экономии, обеспечивает удовлетворение потребности. Но, как известно, фиксированная установка, соблюдая тот же принцип экономии, не приводит к удовлетворению потребности. А.А. Ухтомский, разработавший учение о доминанте, очень ярко демонстрирует примерами из науки, как принцип экономии, заложенный в самой сути доминанты и хорошо действующий в стереотипных, привычных условиях, обусловливает фиксированные формы поведения в новых условиях, “не совпадающих с доминантой”. “Я считаю своим долгом, – писал Ухтомский, – говорить о том, что многие доктрины и теории в своих выводах и исканиях заранее предопределены тем, что установлены на покой и на наименьшее действие с самого начала (выделено мной. – Г.З.); действительность заранее усекается ради прекрасных глаз теории” [20, с. 390].

3. Филогенетическая схема ФФП в чем-то, несомненно, близка “энергетической”. Наблюдения этологов и эксперименты зоопсихологов свидетельствуют о том, что ФФП есть и у животных. И чем ниже на филогенетической лестнице находятся живые существа, тем вероятнее проявление ими таких форм поведения. Инстинкт, направляющий поведение животного, приспособлен к жизни организма в постоянной и неизменной среде и функционирует в этих условиях исправно. А если вдруг условия жизни животного изменяются? Почему так внезапно вымерли динозавры? Дело в том, что инстинкты – это потенциальные ФФП. Убедительные иллюстрации этого мы встречаем у Лоренца, Тинбергена и других этологов [9].

4. ФФП как “нарушение личностно-средовой взаимосвязи”. Эта объяснительная схема восходит к русскому физиологу и психологу И.М. Сеченову, который более 100 лет назад писал следующее:

“Всегда и везде жизнь слагается из кооперации двух факторов – определенной, но изменяющейся организации и воздействий извне. Притом все равно, смотреть ли на жизнь со стороны ее конечной цели – сохранения индивидуума, как на нечто развивающееся, потому что и сохранение в каждый отдельный момент существования достигается путем непрерывных превращений... Последнее вытекает из того факта, что во всех организациях сохранение целости тела и жизни достигается не неподвижностью раз сформированного, а постоянным частичным разрушением и восстановлением элементов тела” [19, с. 288–289]. Из высказывания Сеченова, а также из концепций, выдвинутых значительно позже Бернаром (“о постоянстве внутренней среды”), Кэнноном (“о гомеостазисе”), Павловым (“об уравновешивании”), следует, во-первых, мысль о гармонии внутренних состояний и внешних воздействий и, во-вторых, о том, что она обеспечивается лишь тогда, когда жизнедеятельность и поведение человека детерминированы внешним, постоянно изменяющимся воздействием среды. В случае ФФП эта гармония нарушается вследствие того, что поведение детерминируется только внутренним состоянием без учета объективных требований внешней ситуации. Особенно ослабляется и даже полностью исчезает детерминация психической деятельности и поведения человека внешним миром, по мнению ряда авторов, при нервно-психических расстройствах. При психических расстройствах “опыт оказывается сведенным к чисто субъективному” (Рей), свидетельством чего, на мой взгляд, и являются фиксированные формы поведения. Близки этой схеме попытки объяснения ФФП через “нарушение механизма обратной связи” (П.К. Анохин, А.Р. Лuria) и “потерю, выхолащивание значения и смысла” (“Lehrlaufreaktionen” – Баж, Лоренц; “laps of meaning” – Якубовиц, Лемберт).

5. Диспозиционная схема ФФП основывается на идеи о том, что “личность – это то, что лежит за конкретными поступками внутри самого индивидуума... черта личности является движущим или, по крайней мере, определяющим элементом поведения” [23]. В ряде исследований показано, что определяющим личностным элементом фиксированных форм поведения является психическая ригидность. Cattell [27] даже выделил особый ее вид – “диспозиционную ригидность”. В наших исследованиях [8, 9] также была выявлена связь между личностью, находящейся на континууме ригидность–флексибельность, и характеристиками интенсивности и экстенсивности ФФП. Более того, различная пространственная представленаность психической ригидности личности – парциально, totally и в качестве типообразующей черты – позволила выделить “риgidный тип личности” и его варианты: “астенический”, “стенический”.

6. Стressогенная концепция ФФП. Психологи разных направлений отмечают, что причиной фиксированных форм поведения могут быть связанные с тревогой, страхом, фрустрацией, шоком напряжения (стрессы), вызванные сильно и кратко либо слабо и длительно действующими стрессорами. Последние оказываются теми особыми причинами, под влиянием которых привычное, известное так бережно и упорно охраняется, что по отношению к новому, к изменениям проявляется недоброжелательность [14]. Некоторые исследователи считают возможным рассматривать психическую ригидность в качестве состояния и диспозиционного фактора ФФП. По мнению Wolpert [31], “этот синдром может быть вызван у любого индивида”. В наших исследованиях [8, 9] экспериментальным путем было выявлено наличие связи между действием стрессоров и ФФП.

7. Патогенетическая схема ФФП. Данные клинической практики и многочисленных патопсихологических исследований, в том числе и наших собственных [9], позволяют считать правомерным выделение “патогенетической” концепции фиксированных форм поведения. Некоторая ее глобальность может быть конкретизирована на основе более частных объяснительных схем: например, психодинамической, научения (бихевиорально-когнитивной) и др. Дело в том, что фиксированные формы поведения, во-первых, заметно нарастают по параметрам интенсивности и экстенсивности – от нормы к нервно-психической патологии. Во-вторых, это нарастание наблюдается и далее, при качественном своеобразии – от легких форм нервно-психических расстройств (например, неврозов) к более тяжелым их проявлениям (например, шизофрении).

Психодинамические схемы ФФП. Чаще всего в рамках этих схем фиксированные формы поведения выступают при неврозах как защитные механизмы. “Невротик защищается, формируя фиксированные привычки, ведущие к предпочтению определенных способов решения личных проблем” (см. [28, с. 376]). Согласно Adler [22], невротик, защищаясь, формирует ригидный стиль жизни с ложной ее схемой. Migrny [29] также считал, что “любая схематизация, любая стереотипизация есть невротическое средство защиты”.

Научения (бихевиорально-когнитивная схема ФФП). По мнению сторонников этого подхода, фиксированные формы поведения (философия долговремования и иррациональные мысли, неадекватные когнитивные схемы и ошибочные суждения, неадекватные установки, плохие и вредные привычки, страхи и депрессии, выученная беспомощность и т.п.) есть результат “неправильного научения/воспитания”, в том числе и социального, хотя конкретные механизмы такого

научения могут быть самыми разными (Вольпе, Лазарус, Бандура, Эллис, Бек, Селигмен и др.).

8. Акциональная структурно-уровневая концепция ФФП. Многолетние экспериментально-психологические исследования личности в норме и патологии позволили нам предложить [8, 9] оригинальную психологическую концепцию фиксированных форм поведения, интегрирующую, как нам кажется, и некоторые другие подходы. Она была обозначена нами как акциональная структурно-уровневая концепция. Идеи данного подхода к ФФП восходят прежде всего к трудам П. Жане [6] и М.С. Роговина [15, 16].

Основными составляющими предлагаемой концепции являются положения: а) о структурно-уровневой организации личности и поведения (деятельности, действия или акции – от *action*), в котором личность, проявляясь, “становится действительной” (Гегель); б) о пространственной (структурно-уровневой) ригидизации личности, обусловливающей особенности проявления фиксированных форм поведения; в) о нарушении в случае фиксированных форм поведения отношений внутри структуры такого поведения – между высшим акциональным уровнем цели и низшим акциональным уровнем средств. Возможны, главным образом, два варианта таких нарушений: когда фиксированной является 1) средство (средства) и 2) цель действия (поведения). В первом случае неадекватное средство (как материальное, так и идеальное) сливаются/сращиваются с целью, делая акцию неадекватной, а личность функционирующей на более низком акциональном уровне. Во втором – неадекватная цель становится самоцелью, сращиваясь со средством, делает акцию тоже неадекватной, а личность функционирующей также на более низком акциональном уровне.

9. Системная (субъектная) модель ФФП. Фиксированные формы поведения могут проявляться на уровне как индивида, личности, т.е. индивидуальных систем, так и микро-, макрогрупп людей (семьи, производственных и общественных организаций, этноса, общества и государства в целом), т.е. на уровне групповых систем. Их влияние наблюдается в разных сферах жизнедеятельности человека: в образовании – закрытость образовательных систем, трудности инновационных процессов, что было обнаружено и в наших исследованиях [10]; в науке – неоправданное отстаивание своих идей и “излюбленных” теорий, часто неприятие идей, предложенных коллегами или другими школами; в культуре – устаревшие традиции, этноцентризм, проявляющиеся нередко в ригидных этнических стереотипах и предубеждениях, что особенно выражено в транскультуральных отношениях [11]. Определяя любую систему как “комплекс элементов, находящихся во взаимодействии”, L. von Bertalanffy [26] различал “от-

крытые” и “закрытые” системы: в первых возможен лишь обмен энергией, а во вторых – обмен энергией и веществом. Интересна в обсуждаемом контексте его мысль о том, что “необходимым условием устойчивости органических систем является постоянное обновление их элементов”, что согласуется с приведенным выше мнением Сеченова. Можно предположить, что в “закрытых” системах, не только органических, но и социальных, скорее всего, отсутствует это “постоянное обновление элементов” как внутри их, так и во взаимодействии с другими системами. Это происходит, на наш взгляд, потому, что любая система, стремясь к устойчивости, в силу нарушения прежде всего обратной связи, “проскаивает” оптимально необходимую меру устойчивости и стремится к гиперустойчивости, иначе говоря, ригидизируется (коснеет, застывает), становится закрытой, о чем свидетельствует нарастание числа фиксированных форм поведения и рост их интенсивности. С позиции теории субъекта этот процесс – ригидизацию индивидуальной и групповой систем – можно рассматривать как ослабление или утрату ими “субъектности” [4]. На наш взгляд, субъект – индивидуальный и групповой – выступает в качестве системообразующего фактора, обеспечивающего любую систему, наряду с другими свойствами, такими, как открытость–закрытость, устойчивость–изменчивость [7, с. 79]. Это, видимо, имел в виду и Rokeach [30], когда писал об “открытом и закрытом сознании” (“the open and closed mind”). Это относится и к групповой системе, к которой относятся такие малые группы, как определенный тип семей, религиозные секты, мафиозные образования и даже большие социальные группы – целые государства, например, известные в истории диктаторские и тоталитарные режимы. В. Сатир [18] справедливо считала, основываясь на своем богатом опыте психотерапевтической работы с семьей, что в закрытой системе люди не могут процветать. В лучшем случае они могут только существовать, но им нужно значительно больше.

Разумеется, что описанные нами объяснительные схемы фиксированных форм поведения не исключают друг друга, а, скорее, дополняют. Несомненно, дальнейшее углубленное рассмотрение данных форм поведения с позиции теории индивидуального и группового субъекта, тема, которая была областью научных интересов А.В. Брушлинского на протяжении всей его творческой биографии, но особенно – в течение последнего десятилетия [4], может оказаться исключительно продуктивным в дальнейших исследованиях отдельной личности, а также малых и больших сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова А.К. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ИП РАН, ПЕР СЭ, 2002. С. 34–51.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.
3. Брушлинский А.В. Психологическая наука в практике // Сибирский психологический журнал. 1999. Вып. 10. С. 4–6.
4. Брушлинский А.В. и др. Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ИП РАН, ПЕР СЭ, 2002.
5. Гризингер В. Душевные болезни. СПб., 1881.
6. Жане П. Неврозы и фиксированные идеи. СПб., 1903.
7. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ИП РАН, ПЕР СЭ, 2002. С. 51–81.
8. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1976.
9. Залевский Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: ТГУ, 1993.
10. Залевский Г.В. Открытые и закрытые образовательные системы // Экспертиза инновационных процессов в образовании. Томск: ТГУ, 1999. С. 33–46.
11. Залевский Г.В. Этнические стереотипы и предубеждения как фиксированные формы поведения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С. 413–418.
12. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. Самара: СамГПУ, 2000.
13. Знаков В.В. Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ИП РАН, ПЕР СЭ, 2002. С. 144–160.
14. Левитов Н.Д. Психология характера. М., 1969.
15. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: методологические основы. Ярославль: ЯрГУ, 1981.
16. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основания психологического и психопатологического исследования. Томск: ТГУ, 1988.
17. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
18. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992.
19. Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1959.
20. Ухтомский А.А. Письма // Пути в незнаное. М., 1973. С. 371–435.
21. Фромм Э. Искусство любить. СПб.: Азбука, 2001.
22. Adler A. Über den nervösen Charakter. Frankfurt / Main, 1975.
23. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge: Addison-Wesley, 1954.
24. Bash K. Lehrbuch der allgemeinen Psychopathologie. Stuttgart, 1955.
25. Bergson E. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1932.
26. Bertalanffy L. von. General System Theory. N.Y.: Braziller, 1968.
27. Cattell R. Personality and Social Psychology. San Diego, 1964.
28. Freud S. Gesammelte Werke. L., 1948. Bd. XI.
29. Murphy G. Personality: a biosocial approach to origin and structure. N. Y., 1947.
30. Rokeach M. The open and closed mind. N.Y., 1960.
31. Wolpert E. A new view of rigidity // J. of abnorm. (soc.) psychol. 1955. V. 51.

THE THEORY OF THE SUBJECT AND STEADY FORMS OF BEHAVIOR

G. V. Zalevsky

Corresponding member of RAE, Dr. sci. (psychology), professor, head of the chair of genetic and clinical psychology, Department of psychology, Tomsk State University, Tomsk

There are considered the approaches to understand the steady forms of behavior with in the framework of S.L. Rubinstein's school and especially A.V. Brushlinsky's theory of the subject, as well as other psychological schools and branches.

Key words: the subject, personality, creativity, steady forms of behavior.